

ПО СТРАНИЦАМ НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

*Древнейшие итало-эгейские связи.— Новые данные о начале Рима.—
Находка в Вилле и пути этрусской торговли с северными странами.—
Археологические находки на дне Средиземного моря.— Tabula Hebana.—
Политический строй на о. Цейлоне в изображении Плиния и Лиса, раб
Анния Пломма.— Res gestae divi Saporis.*

ДРЕВНЕЙШИЕ ИТАЛО-ЭГЕЙСКИЕ СВЯЗИ

Попытки относить проникновение в Италию япигов и мессапов, с именем которых связывается возникновение Тарента, Метапонта и некоторых других пунктов на Салентинском полуострове, ко II тысячелетию до н.э. (M. M a u e r, *Apulien vor und während der Hellenisierung*, 1914, стр. 353) не встречали широкой поддержки в науке. Настолько глубоко во времени элладийский элемент не прослеживался в Италии археологически. Эпиграфические же следы мессапийского языка и письменности в Италии относились лишь к позднеэллинистическому времени. Легендарная традиция, повествующая о погоне критского Миноса за Дедалом на о. Сицилию (Diod., IV, 79, 1; XVI, 9, 4), не получала до сих пор сколько-нибудь убедительного эквивалента в каких-либо объективных данных. Не было их и для подтверждения древности обстоятельств, послуживших реальным основанием для присутствия в XXIV песне Одиссея (Odys., XXIV, 211) сикульской рабыни в числе прислуги Лаэрта.

Давно уже, впрочем, привлекала внимание известная общность форм и орнаментов керамики, в том числе расписной, в Сицилии (культура Стентинелло и Матрена), на юге Италии (в Мольфетте, Матере и др. пунктах), на Балканском полуострове (в Фессалии) и на о-вах Эгейского моря. Однако эта общность относится к эпохе энеолита и ранней бронзы и поэтому никак не могла свидетельствовать о подобной же общности в более поздние периоды, которые еще недавно, ввиду господствовавших в науке «длинных» хронологий, представлялись далеко отстоящими от не предшествующих им непосредственно. До самого последнего времени все сообщения о находках предметов минойской культуры на о. Сицилии или в Италии оказывались, в конце концов, или вовсе не соответствующими действительности, или имевшими в виду факты единичные и мало характерные, допускавшие возможность случайного сходства и местного происхождения.

Понадобилась значительная активность итальянских археологов и многочисленные новые раскопки для того, чтобы этот материал наконец действительно появился на свет в количествах, не позволяющих более сомневаться в реальности итало-эгейских культурных связей, начиная, по крайней мере, с середины II тысячелетия до н. э. Имеются в виду раскопки, производившиеся в конце 40-х и в начале 50-х годов в Милаццо (на сев. берегу Сицилии, близ Мессины, см. «Fasti archeologici», VIII (1954), № 2034; JDAI, 69(1954), 3-4, стр. 545), на о. Панареа и на о. Липари (Липарские о-ва, JDAI 69(1954), 3-4, стр. 505 сл. и 515 сл.), а также в Скольо дель Тонно (близ Тарента, в Италии, «Relazioni», II, стр. 49). В названных пунктах среди инвентарей погребенных некрополей местного населения эпохи развитой бронзы в ошутимых количествах обнаружены микенские сосуды и их фрагменты, принадлежащие к разряду позднеэллад. III A и B (XVI—XIV вв. до н. э.). В особенности интересны находки на Липарских островах, где микенская керамика связана с местной италийской («апелвинской») культурой, микенское влияние на которую оказалось настолько глубоким, что граффати в стиле критского линейного письма А были многократно обнаружены на стенках не только привезенных из Эгейды, но и местных сосудов (см. «Minos», II(1952), стр. 5 сл.). В Милаццо же и в Скольо дель Тонно микенская керамика фигурирует в могилах значительных по размеру некрополей с трупосожжениями, близких по погребальному обряду и по инвентарю некрополю Тиммари (близ Тарента) и Пьявелло (в Умбрии), которые считались среди ученых, придерживавшихся миграционной тео-

рии возникновения культуры североиталийских террамар, ее наиболее южными фор- постами. Благодаря же обнаружению некрополей Милаццо и Скольо дель-Тонно, защитники теории северного происхождения «группосжигающих» италиков вынуждены теперь пересмотреть свои позиции и допустить возможность проникновения обряда трупосожжения с юга, из эгейского бассейна, вместе с микенской керамикой (см. L. Bernabò Brea, «Rivista di scienze preistoriche», VI (1951), 3—4, стр. 205 сл.; M. Pallottino, «Relazioni», II, стр. 3 сл.). Как бы то ни было, необходимо признать что находки эгейской керамики в Италии и Сицилии являются в культурно-историческом отношении наиболее ценными из всех, сделанных в западном Средиземноморье в послевоенное время, так как они значительно обогащают науку не только в области истории древнейшей Италии, но также и в области истории Крита и Микенской Греции. Вместе с тем они снова показывают, что мифологическая традиция никогда не бывает беспочвенной, но всегда отображает в более или менее завуалированной форме реальные исторические явления. И если после этих находок экспедиция Миноса в Сицилию не стала все же действительным историческим фактом, то совершенно непреложной сделалась связь этих легенд с реальным критским мореплаванием в западных водах и с проникновением через его посредство элементов эгейской культуры.

В этой же связи не менее любопытен факт, привнесенный в науку раскопками середины 30-х годов в Герайове на Силаре близ Пестума («Notizie degli scavi di Antichità», 1937, стр. 205 сл.), обнаружившими древние вотивы с изображением птиц с женскими головами. В этих изображениях издатели материалов раскопок не без основания усматривают прототип гомеровских сирен, эпическая локализация которых близ итальянских берегов вполне соответствует данному археологическому факту. Из такого любопытного совпадения эпических и археологических данных следует, между прочим, и то, что мифическая локализация также не может быть ни случайной, ни произвольной, но имеет в своей основе определенную историческую реальность.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАЧАЛЕ РИМА

Древнеримская традиция помещала начало древнего Рима на Палатинском холме, где, по преданию, помещалась и Roma quadrata — предположительно, древнейшее укрепленное поселение, и знаменитая casa Romuli. Этим преданиям не противоречили археологические находки, дававшие, однако, фрагментированный и более или менее случайный материал, не древнее рубежа VIII—VII вв. до н. э.

Лишь в послевоенные годы, в результате археологических исследований, принятых в порядке ликвидации последствий разрушений, причиненных во время второй мировой войны, на северной оконечности Палатинского холма, на так называемом Гермале, обнаружены вырубленные в материковой скале основания древних хижины овальной формы, с углублениями для очагов и деревянных столбов, поддерживавших соломенные кровли¹. В результате обнаружения следов этого поселения можно со значительно большей, нежели прежде, определенностью говорить о связи с древнейшим Палатином того некрополя, который был обнаружен в начале нынешнего столетия на территории форума. Как известно, среди этих могил имелись трупоположения в деревянных колодах — способ погребения, по традиции считавшийся древнесабинским и рассматривавшийся как археологическое свидетельство присутствия древнесабинского элемента на территории древнейшего римского поселения. В связи с этим небезынтересны наблюдения Кромера², устанавливающие, что подобные захоронения в колодах (или подражающих им глиняных гробах) наиболее многочисленны на территории, принадлежавшей племени фалисков. И хотя автор допускает,

¹ S. Puglisi, Gli abitatori primitivi del Palatino attraverso le testimonianze archeologiche e le nuove indagini stratigrafiche sul Germale, «Monumenti antichi», XLI (1951), стр. 2 сл.; ср. M. Floriani, «Studi Romani», II (1954), № 6, стр. 701.

² K. Kromer, Zu Frühgeschichte Roms, «Mitteilungen der Prähistorischen Kommission Österreichisch. Akademie d. Wissensch.», VI (1952—1953), стр. 119 сл.

что фалиски лишь позднее вытеснили с этой территории сабиния, однако, несомненно, что в связи с этим обстоятельством вопрос об археологической аттестации сабинского элемента в границах древнейшей общины Рима повисает в воздухе. К тому же Кромер констатирует на Эсквилине, где традиция помещает древнейшую резиденцию сабинского царя Тита Тация, наличие некрополя столь же смешанного характера, как и в других местах древнего Лация и южной Этрурии, в особенности, где трупосожжения и труположения часто расположены рядом, а иногда и взаимно перекрывают друг друга. Высказывавшееся раньше мнение о значительном преобладании на некрополе Эсквилина обряда труположения Кромер опровергает детальным анализом состава погребальных инвентарей, археологические обстоятельства нахождения которых были недостаточно точно отмечены и зафиксированы в первоначальных публикациях (в «*Notizie degli scavi*», начиная с 1903 г.). Из этого факта, олять-таки не позволяющего более фиксировать с помощью археологических данных древнейший сабинский компонент на территории Рима, все же не следует делать вывода о полном единообразии культурных явлений эпохи Вилланова на территории Лация. Известные культурные различия наблюдаются как в пределах определенного обряда погребения (могилы с трупосожжениями, при всей их близости к содержащему могил с труположениями, разнятся от них в отдельных характерных предметах инвентаря), а также и от места к месту. Так, для древнего Лациума, при всем сходстве его культуры с культурой южной Этрурии VIII—VII вв. до н. э., должны быть отмечены известные отличия — в частности, присутствие своеобразной керамической орнаментики (так наз. «*reticulato*»), широко представленной в Альбанских могильниках, встречающейся и на территории Рима, а в древнейших образцах фигурирующей в археологическом комплексе, относящемся к эпохе поздней бронзы, найденном в Берторине, близ Фори в Кампании (G. M e r t e n s, «*Bonner Jahrbücher*», 1942, стр. 52 сл.). Эта керамическая орнаментика отсутствует в южной Этрурии, чем, в частности, и определяется по археологическим данным древнейшее культурное различие между двумя наиболее значительными среднеиталийскими племенами. А находка этого характерного для древнелатинской культуры орнамента на кампанской территории подтверждает еще раз ту глубокую, древнюю связь, которую традиция устанавливает между Лациумом и Кампанией.

НАХОДКА В ВИКСЕ И ПУТИ ЭТРУССКОЙ ТОРГОВЛИ С ЗААЛЬПЬИЙСКИМИ СТРАНАМИ

В 1953 г. близ холма Лассуа (Mont Lassois, Lavisco в древности), знаменитого своими остатками кельтского опидума гальштатской эпохи, в 5 км от Шатийона раскопками Р. Жоффруа было вскрыто курганное погребение (курганная насыпь, как выяснилось при раскопках, была скрыта еще в римское время и, может быть, именно поэтому его содержимое уцелело), представившее комплекс, названный «кладом из Викса». Погребальная камера, имевшая более 9 м² (диаметр кургана равнялся 42 м), содержала весьма богатое женское захоронение с чрезвычайно интересными приношениями. Костяк женщины (по остеолого-анатомическим данным, — лет 30) имел на голове массивную своеобразной формы золотую диадему с разомкнутыми концами в виде лап хищника, держащих грушевидной формы сосуды, на филигранных крышках которых помещены в качестве наверший фигурки пегасов. Костяк покоился на четырехколесной колеснице с бронзовыми втулками и железными ободьями. Бортики колесницы, производившей впечатление повозки ритуального назначения, были украшены бронзовыми ажурными аппликациями. Жоффруа в своей публикации этого погребения³ отмечает наличие на незначительной периферии Викса еще нескольких (и, по-видимому, всякий раз, без исключения, женских) погребений в колесницах (Сент Коломб, Гарени, Ла Бютт и др.), что наталкивает на мысль о ритуальных захоронениях жриц верховного женского божества, в какой-то степени, может быть, аналогичных ритуальным захоронениям скифо-сарматских жриц из причерноморских степей.

³ R. J o f f r o y, Le Trésor de Vix, P., 1954.

Перечисленные выше аналогичные найденному в Виксе погребения также были, вероятно, связаны с поселением на холме Лассуа.

Однако наиболее ценным и необычайным атрибутом погребения в Виксе является огромный бронзовый кратер, высотой в 1 м 65 см, вместимостью более 1000 литров. Волютообразные ручки кратера украшены эмеевыми фигурами горгон, на горле под венчиком расположен фриз из групп воинов на квадригах, перемежающихся фигурами пешеходов. Крышка кратера увенчана бронзовой фигурой, представляющей женское божество типа Артемиды. На крышке кратера найдено еще несколько металлических и глиняных сосудов — в том числе очень характерная этруская бронзовая ойнохоя, две этрусские же бронзовые миски с вертикальными ручками и аттический чернофигурный килик так назыв. стиля Друп. Помимо этих, несомненно, импортных вещей, найдены также целый ряд предметов местного производства: бронзовые фибулы с длинными спиральными перекрестьями, железные фибулы с золотыми аппликациями, сланцевый, янтарный и бронзовые браслеты и другие украшения.

Таким образом, инвентарь распадается на две категории: предметы импортные и предметы местного происхождения, к которым принадлежат преимущественно мелкие поделки из бронзы и железа. Импортными же являются бронзовые и драгоценные сосуды, золотая диадема и, может быть, также колесница. Если в отношении некоторых предметов несомненно их этрусское происхождение (ойнохоя, бронзовые миски с прямыми ручками, принимаемые обычно за произведения мастерских Вульчи), то в отношении других предметов, и прежде всего в отношении кратера, дело обстоит далеко не так просто. Вообще, металлические изделия из Викса представляются довольно разнообразными в стилистическом отношении; не является стилистически единым также и самый кратер, воспринимающийся как довольно сложный художественный комплекс. Так, в частности, если рельефные аппликации на горле обнаруживают чисто греческую работу (Жоффруа склоняется, вслед за Ш. Пикаром, к Коринфу, как к наиболее вероятному месту изготовления кратера), то горгоны на волютах ручек, так же как и женская фигура на крышке кратера, более всего напоминают этрусскую работу; фигурка в особенности напоминает некоторые образцы архаической кюзинской пластики. Весьма любопытной технической подробностью изготовления кратера являются греческие литеры и численные знаки (черточки), начертанные мастерами на венчике и горле кратера, а также на тыльной стороне рельефных аппликаций, видимо, с целью их наиболее точного размещения; эти литеры, по их несомненной принадлежности к западно-греческим алфавитам, указывают опять-таки на итальянское или на великогреческое (сицилийское) происхождение кратера⁴.

Погребение в Виксе датируется точнее всего по наличию в нем аттической чернофигурной и чернолаковой керамики, приурочиваемой ко времени между 530 и 520 гг. до н. э. Этой же дате примерно соответствуют и другие предметы. Принимая во внимание относительную кратковременность бытования керамики, дата самого погребения не может быть отнесена очень далеко от даты аттических сосудов — не далее рубежа VI—V вв. до н. э.

Специфически ритуальный характер инвентаря погребения в Виксе, его богатство и стилистическое разнообразие поднимают целый ряд вопросов культурно-исторического характера, на которые и пытается дать ответы Ж. Каркопино в серии своих статей о находке в Виксе, помещенных в «Revue de deux mondes» (1955, № 2, стр. 208 сл.; № 3, стр. 412 сл. и № 4, стр. 627 сл.). Одним из существенных вопросов является проблема торгового пути, по которому все эти импортные предметы были доставлены на Монт Лассуа. Каркопино полагает, что этот путь лежал через Марсель по р. Роне, и связывает находку в Виксе с находкойклада из более чем 2000 греческих монет в Орволе, в 25 км к северу от Марселя, происходящих из различных малоазийских центров. Однако подобное предположение вряд ли вероятно: как показывают продолжи-

⁴ Ср. R. Bloch et R. Joffroy, L'alphabet du cratère de Vix, RdPh, 1953, № 2, стр. 175 сл.

тельные археологические исследования на юге Франции, влияние Марселя и его торговая экспансия не проникли далеко в глубь материка, вплоть до самого римского завоевания⁵. Берега Роны на некотором расстоянии от моря лишены находок итало-греческого происхождения, относящихся к архаическому и классическому времени. Кроме того, если в VI в. этруски еще конкурировали успешно с фокейцами и вытесняли их из тирренских вод, то в начале V в. и в особенности после морского сражения при Кумах, наоборот, этруски были полностью вытеснены с моря. В этот период их торговля с северными странами приняла континентальное (трансальпийское) направление, чему имеются многочисленные доказательства в виде находок этруских бронзовых изделий в юго-восточной Франции, Швейцарии и других центральноевропейских странах⁶. Монт Лассуа находится как раз в сфере этой континентальной этруской торговли, о чем свидетельствует, помимо его географического положения, частота находок в могилах вокруг Монт Лассуа и вообще на востоке Франции бронзовых предметов этруского происхождения⁷. Несомненно, к этому же кругу явлений относится и сама находка в Виксе. Следует думать, что большая часть импортных предметов этого комплекса, в том числе и громадный кратер, были доставлены именно трансальпийским путем. Этим же путем попала в Викс, вероятно, и массивная золотая диадема, которой Жоффруа, ввиду некоторой грубости ее стиля, готов, вслед за Ш. Пикаром, приписать чуть ли не причерноморское происхождение. Следует думать все же, что это если и не чисто этрусская работа, что отнюдь не исключено, несмотря на тяжесть ее форм, то какое-либо североиталийское подражание этруским образцам.

Не менее существенна и другая проблема, также экономического порядка: наличие столь ценных предметов италийского ввоза свидетельствует об интенсивной торговле между Италией и заальпийскими странами уже в VI—V вв. до н. э., при этом в обмен Италия должна была получать нечто равноценное своему золоту и своей художественной бронзе. Одним из таких ценных продуктов торговли, доставлявшимся из приальпийских стран, вероятней всего, могли быть рабы.

Находка в Виксе привлекла к себе внимание многих исследователей и уже породила значительную литературу. Не прекращаются споры относительно места изготовления кратера, вызываемые его (по мнению некоторых исследователей, лишь кажущейся) разностильностью и характером начертанных на нем литер. Ш. Пикар (RA, XLIII (1954), № 1, стр. 71 сл.) настаивает на коринфском происхождении кратера, сравнивая его с кратером из Требенице, который связывается искусствоведами именно с этим центром производства художественных бронзовых изделий. Он же указал на возможность северопоитийского происхождения золотой диадемы с пегасами, ввиду подчеркнутой волосатости тела у последних. Нет сомнения, что пегасы диадемы из Викса несколько напоминают лошадь Пржевальского, но, во-первых, изображения скифских лошадей на Чертомлыцкой вазе, на сосудах и гребне из кургана Солоха, лишены каких бы то ни было признаков волосатости, во-вторых, — волосаты ли действительно пегасы диадемы из Викса, тело и крылья которых покрыты некоего условного значения насечкой, еще вопрос. P. A m a n d r u, *Autour du cratère de Vix* (RA, XLIII (1954), 2, стр. 125 сл.), допускает, что кратер, изготовленный в Греции, был демонтирован где-либо в Италии (может быть, именно в Этрурии) и оттуда проник в разьединенном виде вместе с другими греческими и этрускими товарами в Викс. Хочется все же указать, во-первых, на то, что греческие архаические кратеры (Требенице, из Мюнхенского музея, из Эрмитажа) при всей их индивидуальности и при всем их сходстве с кратером из Викса все же от него весьма отличаются. Нет сомнения в том, что его крышка, увенчанная изображением богини, придает ему бесспорно-

⁵ J. J a n n o r a y, *Ensérune. Contribution à l'étude des civilisations préromaines de la Gaule méridionale*, 1955, стр. 296 сл.

⁶ См. J. G. S z i l á g y j, *Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden*, «Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae», I (1952), 3-4, стр. 419 сл.

⁷ J o f f r o u, *ук. соч.*, стр. 33 и 35.

этрусский вид. Что же касается чисто греческих и, может быть, именно коринфских аппликаций с квадригами и гоплитами, то мало ли на почве Этрурии производилось образцов чисто греческого искусства (даже если оставаться в пределах торевтики), бесспорно этрусское происхождение которых засвидетельствовано этрусскими надписями.

Как известно, многие архаические этрусские памятники, например, каменный саркофаг из Перуджийского музея (G. Gilioli, «Archeologia classica», II (1952), 1, стр. 81 сл.), имеют в стиле своих рельефных изображений сиро-ассирийские черты. К. Р. Максвелл-Гислоп («Iraq», XVIII (1956), II, стр. 150 сл.) устанавливает на основании чисто стилистических соображений урартийское происхождение целого ряда этрусских архаических бронзовых изделий, настаивая при этом на непосредственных итало-урартийских связях и заставляя урартийских мастеров-металлургов переселиться в Тоскану в составе малоазийских тиррецов. Помимо того, что все это весьма маловероятно исторически, в подобных искусственных построениях нет никакой нужды, поскольку греческое, а через его посредство и этрусское искусство имело в VII—VI вв. до н. э. резко ориентализирующие черты. Переселения же греческих мастеров в Этрурию и, в частности, именно из Коринфа, документируются римской исторической традицией (Liv., I, 34, 2; Dion. Hal., III, 46, 3 сл.) о коринфянина Демарате, переселившемся в Тарквинию и обучившем этрусков терракотовой пластике.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ СО ДНА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

В 1952—1953 гг. руководитель французского водолазного предприятия Ж. Кусто производил разведки и раскопки древнеэллинистического судна, груженого керамикой и затонувшего недалеко от входа в гавань Марселя (древней Массалии), точнее у о. Рю. Судно было обнаружено одним из местных водолазов-любителей. Поскольку расследования производились на глубине 150 м, что, видимо, и для опытных водолазов является нелегкой задачей, судя хотя бы по тому, что один из них попластался при этом жизнью, — участие археологов было исключено, и «раскопками» руководил названный выше капитан водолазного отряда. И хотя, как видно из его публикаций (см. J. I. Cousteau, Fish Men discover a 2200 Year-old Greek Ship, «The National Geographic Magazine», CV (1954), № 1, стр. 1 сл.), он пользовался консультацией археологов и даже называет некоторые имена, в печати фигурируют пока что только его собственные сообщения, если не считать небольшой предостерегающей заметки (RA, XLI (1953), № 2, стр. 204), подписанной Р. Ж[антье], протестующей против применения при расчистке древнего судна средств и механизмов, грозящих уничтожением античной керамики. Все это тем более досадно, что находка, по-видимому, представляет собой огромную научную ценность. Не говоря уже о самом корабле, который, будучи извлечен на поверхность, явил бы собой совершенно уникальный памятник древности, весьма интересен также и его груз, состоявший из большого количества остродонных амфор двух типов: 1) узкая, с длинным горлом, удлиненными ручками и ножкой; 2) с широким туловом, короткими дугообразными ручками и слабо выраженной ножкой. Амфоры, судя по нескольким экземплярам, сохранившим содержимое, были наполнены вином. На венчиках некоторых амфор первого типа имеется клеймо SESIII, что позволяет читать его как Ses(tius). Значительную часть груза составляла также чернолаковая керамика (миски, килики и т. п.), датируемая по штампованному орнаменту, имеющемуся на некоторых сосудах, второй половиной III в. до н. э. Амфорные клейма с именем Сестия известны по находкам в Италии и южной Франции, кроме того это имя фигурирует на черепицах, а также нередко (в различных сокращениях) на образцах terra sigillata раннеимператорского времени. Речь может идти, следовательно, по крайней мере, о нескольких поколениях носителей этого имени, связанных с керамическим производством. Известен кроме того М. Сестий из Фрегелл, назначенный в 190 г. до н. э. проксемом на о. Делос (IG, XI, 4, 757), может быть, идентичный носителю этого же имени (M. Sextius Fregellanus), упомянутому у Ливия (XXVII, 10, 3) под 209 г. до н. э.

TABULA NEBANA

Находка в 1947 г. в Мольяно, на месте древней Гебы (Италия) фрагментированной латинской надписи с длинным текстом из 62 строк явилась значительным событием в области латинской эпиграфики, тем более, что ее содержание не лишено и непосредственно исторического интереса.

Она представляет собою предписание (без начала и конца, в ст. 14 именуемое *rogatio*), содержащее перечисление гражданских и религиозных мероприятий, принимаемых для оказания посмертных почестей Германику Цезарю, и датирующееся 19 г. н. э. Предписание предусматривает проведение похоронной церемонии, на которой обязательно присутствие детей лиц сенаторского сословия, причисленных до вступления их в сенаторский ранг к сословию всадников, а также лиц собственно всаднического звания, закрытие во время церемонии всех храмов в пределах города. Мероприятие это должно было повторяться также и в годовщину смерти Германика.

Из числа других мероприятий с исторической точки зрения особенно интересно предписание о проведении церемонии *destinatio magistratum* (т. е. утверждения кандидатов) на должности консулов и преторов, под знаком прославления памяти Германика, как бы призванного патронировать этот политический акт. *Tabula Nebana* весьма детально регламентирует всю процедуру церемонии *destinatio*, совершаемой посредством вотива, приносимого пятнадцатью центуриями, в составе членов сенаторского и всаднического сословия, приписанных к 33 городским трибам (за исключением эквилинской и субуранской, как того требовал республиканский обычай), так что каждая центурия представляла две или три трибы. При этом из текста *Tab. Nebana* выясняется, что церемония *destinatio*, весьма напоминающая республиканские центуриатные комиции для выбора высших магистратов, является лишь некоторым изменением той процедуры, какая была установлена с аналогичной целью в 5 г. н. э. специальным законом, изданным в консульство Гнея Корнелия Цинны Магна и Люция Валерия Мессалы Волеза, для увековечения памяти Гая и Люция Цезарей, для чего тогда было создано 10 центурий их имени. По предписанию же, зафиксированному на *Tab. Nebana*, к этим десяти центуриям прибавляется еще пять имени Германика, которые должны принимать участие в процедуре, предусмотренной законом Цинны и Волеза. Вместе с тем после опубликования *Tab. Nebana* стало ясно, что найденная в 1903 г. в Эльхе (Испания) в двух незначительных фрагментах так называемая *Tabula Picitana* (Eph. epigraphica, IX, 1903, № 349), принявшаяся ранее за обрывки некоего муниципального закона, представляет собой остатки текста, весьма близкого по содержанию и назначению к *Tab. Nebana* и изданного в 23 г. н. э. для совершения почестей памяти Друза. Все эти обстоятельства не могли не привлечь к содержанию *Tab. Nebana* внимание многих ученых, что породило значительную литературу, посвященную восстановлению текста⁸ и его истолкованию. Разумеется, наибольший интерес представляет описание церемонии *destinatio magistratum*, существование и политический смысл которой как будто противоречит данным авторов, а также и эпиграфическим известиям, свидетельствующим о том, что назначение высших магистратов во времена Тиберия перешло окончательно из ведения народного собрания в стены сената, производившего лишь утверждение кандидатов, выдвигавшихся с ведома принцепса (T. a. s. i. t., Ann., I, 14). Подтверждением этого сообщения Тацита является пассаж из *Res gestae divi Augusti* (14, 1), свидетельствующий о подобной практике в отношении Гая и Люция Цезарей, а также почетная надпись в честь некоего лица, выдвинутого на должность (*destinatus*) консула по представлению (*commendatio*) императора Тиберия (CIL, IX, 2342).

Противоречие, возникающее между текстом *Tab. Nebana* и приведенными свидетельствами, вызвало к жизни попытки тех или иных его объяснений. А поскольку точ-

⁸ См. текст: U. Coli, «Notizie degli scavi di Antichità», I (72), 1947, стр. 49 сл.; F. de Vischer, F. della Corte и др., «La Parola del Passato», XIV (1950), стр. 98 сл.; J. H. Oliver and R. E. A. Palmer, «Journal of Philology», LXXV (1954), № 3, стр. 225 сл.

ных давних о технике назначения высших магистратов не имеется, а известно лишь, что со времен триумvirата комиции фактически обходились, разные авторы толкуют сообщаемые в Tab. Hebana факты по-разному. Так, Фернан де Бишер в статье «Le Destinatio» («La Parola del Passato», XIV (1950), стр. 118 сл.) пытается согласовать данные Гебанской надписи со свидетельствами Res gestae в том смысле, что если де представить себе, будто всадники почему-либо не участвовали в церемонии destinatio, то поскольку она оказывалась сведенной к участию в ней представителей одного лишь сенатского сословия, голосование по центуриям теряло свой смысл и процедура переносилась непосредственно в сенат, как об этом и сообщает Тацит. М. А. Леви («La Tabula Hebana e il suo valore storico», там же, стр. 158 сл.) считает, что закон Цинны и Волеза, о котором сообщает Tab. Hebana, представляет собой известный компромисс между принцепсом и нобилитетом, стремившимся к поддержанию республиканских традиций. Увеличение числа голосующих центурий в связи с оказанием почестей Германику в 19 г. и подобные же мероприятия в честь Друза в 23 г. являются подтверждением и расширением этого компромисса. Альдо дель'Оро, в статье «Rogatio e riforma dei comizi centuriati» (там же, стр. 132 сл.) видит в законе Цинны и Волеза попытку реформировать древние центуриатные комиции посредством отнятия у них права выбора магистратов и замены его церемонией destinatio, которую он сопоставляет по ее значению с действиями *centuria praerogativa* республиканских центуриатных комиций, оказывавшими значительное влияние на исход выборов. Основной же смысл утверждения кандидатов центуриатным голосованием он видит опять-таки в сохранении политической видимости активных центуриатных комиций. Быть может, однако, более правы те, которые не упускают из виду также и религиозный аспект (т. е., в сущности, тот же агитационно-политический) этой процедуры⁹, поскольку деятельность центуриатных комиций поставлена в тексте Tab. Hebana в прямую связь с заупокойным культом дома Цезарей. При этом обращает на себя внимание архаический характер религиозных церемоний, совершаемых в память Германика, уходящих корнями своими к дореспубликанским религиозным установлениям. Тут и введение имени Германика в текст гимнов коллегии салиев (стк. 5) и *ludi Augustales* (стк. 50), празднества *sodales Augustales* — корпорации, организованной, по свидетельству Тацита (Ann., I, 54), по образцу древнейших *sodales Titii*. Следует думать, что введение обряда *destinatio magistratum* для ограниченного числа центурий, с допущением в них лишь представителей знатных родов, имело своей целью возрождение *mos maiorum*, политический смысл которого совершенно прозрачен и более широк, нежели полагают упомянутые выше толкователи текста Tab. Hebana. Это мероприятие имело в виду не только нобилей, участие которых в церемонии предполагало подтверждение определенного к ним доверия, но и широкие слои римского общества, которым импонирует монархический характер древнего ритуала.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НА ОСТРОВЕ ЦЕЙЛОНЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПЛИНИЯ И ЛИСА, РАБ АННИЯ ПЛОКАМА

Сообщая о природе о. Тапробана (Цейлона), Плиний впадает в ряд несообразностей (остров имеет 1250 миль длины, луна на острове светит только на протяжении одной недели в течение месяца и т. п.). Отсюда следует, что римляне его времени имели еще довольно смутное представление о географии и этнографии стран Индийского океана, по сравнению с тем, чем располагал на сотню лет позже Птолемей, хотя на Цейлоне и были найдены римские монеты эпохи Нерона и Веспасиана¹⁰, свидетельствующие отчасти о вовлечении этого острова в ареал римской торговли.

⁹ См. C. Gatti, Gli honores postumi a Germanico nella Tabula Hebana, «La Parola del Passato», XIV (1950), стр. 151 сл.; W. Seston, Germanicus héros fondateur, там же, стр. 171 сл.

¹⁰ См. R. Wheeler, Roman Contact with India in Aspect of Archaeology in Britain and Beyond, «Essays presented to O. Crawford», L., 1950, стр. 370 сл.

Наряду с этими физико-географическими сведениями, Плиний сообщает ряд данных относительно государственного устройства Тапробана, изложенных в духе эвгемерова рассказа об острове Панхайя или ямбулова Солнечного острова и других подобных рассказов-утопий об отдаленных и первобытных народах, выдержанных в стиле легенды о золотом веке. На Тапробане нет рабов, цены на хлеб никогда не повышаются, нет ни суда, ни наказаний, люди, как правило, живут по сто лет, царь у них — выборный бездетный старец, смещаемый с престола, если у него рождаются дети, во избежание установления наследственной монархии (Plin., NH, VI, 84 сл.). Легендарность и политическая тенденциозность рассказа Плиния очевидна. В этой связи он сделался предметом внимания Х. Г. Старра («The Roman Empire and The King of Seylon», CPB, LI (1956), № 1, стр. 27 сл.), усмотревшего в нем аристократическую реакцию на римские политические порядки времен императора Клавдия или эпохи раннего принципата вообще. Весьма возможно, что Плиний, действительно отражавший в своем сочинении тенденции сенаторского сословия, воспользовался этим легендарным рассказом, прозвучавшим у него примерно так же, как он прозвучал бы у Сенеки, т. е. в чисто аристократическом и реакционном плане. Однако происхождение этой легенды о Тапробане было в действительности, может быть, и вовсе не таково, и черты легенды о золотом веке были ей приданы в связи с политическими тенденциями, исходившими из совершенно иного лагеря. Определить все это, впрочем, не так-то просто. Дело в том, что Плиний при описании Тапробана ссылается на два рода источников: с одной стороны, это — описания сподвижников и биографов Александра Македонского — Онесикрита, Мегасфена, а также основывавшегося в значительной степени на их же трудах Эратосфена. Не было бы, в общем, ничего удивительного, если бы рассказ о политическом устройстве о. Тапробана принял соответствующие легендарные черты уже под пером первых двух из названных Плинием авторов — легенда о золотом веке интенсивно использовалась идеологами завоевательной и объединительной политики Александра, апеллировавшими к простонародным представлениям в стремлении утвердить и оправдать всемирную «общенародную монархию». Однако Плиний сообщает и об источнике совершенно другого рода: по его словам, вольноотпущенник Анния Плокама — откупщина пошлыв, взямавшихся в пользу римского фиска на берегах Красного моря, бурей был завесен на Цейлон, где, прожив полгода, научился местному языку и прибыл оттуда в Рим в сопровождении четырех туземцев, посланных цейлонским царем Хобрией к императору Клавдию. Две краткие и аналогичные надписи, обнаруженные в 1937 г. близ Береники (на скале у Вади Мених) у берегов Баб аль Мандеба, позволяют нам познакомиться, может быть, с этим лицом немного поближе.

Надписи, судя по их датам (июль 6 г. н. э.), высечены на протяжении трех дней одна после другой и сообщают о пребывании в данном месте Лисаса или Лйса — раба Публия Анния Плокама. Правда, от 6 г. н. э. до начала царствования Клавдия прошло 35 лет; это обстоятельство заставило Старра (ук. соч., стр. 28) допустить, что Анний Плокам береникских надписей — отец того Анния Плокама, о котором упоминает Плиний. Однако приводятся примеры и весьма продолжительных сроков подобных откупов, позволяющие допустить и то, что мы имеем в обоих случаях дело с одним и тем же Аннием Плокамом, известным также и из других древних источников в качестве активного предпринимателя (CIL, XV, 798). В этом случае Лисас — автор надписи на греческом и на латинском языках, воздвигнутой на скале близ Береники, идентичен тому вольноотпущеннику, которого не называет Плиний, но на которого он фактически ссылается, как на источник своей осведомленности о Тапробане. Судя по имени, Лисас мог происходить из одноименного пункта (Λίσσα) древней Аравии (P t o l e m., Geogr., V, 16, 4) — рабы в древности нередко получали имена соответственно племени или месту своего происхождения. В рассказе Плиния о Тапробане мы наталкиваемся на подробность, связывающую еще одним звеном этот рассказ с арабом Лисасом или Лисой: источник Плиния усмотрел сходство в одежде (в тексте Плиния *cultus*, что могло бы быть понято и несколько шире) жителей Тапробана и Аравии. Весьма возможно, что Лисас, человек, владеющий греческим и латинским языками,

в результате своих путешествий явился автором полуфантастического романа в духе романа Ямбула, которым и воспользовался Плиний, не сообщая об этом более подробно. Последнее могло объясняться тем, что задачей Плиния было придать повествованию о Тапробане патриархально-реакционный характер, тогда как в интерпретации Лисаса, — отпущенника или раба — легенда о золотом веке и о счастливых, не знающих рабства народах, имела другое социальное назначение и поэтому могла содержать какие-либо подробности, опущенные или скомканные Плинием. Это заставляет подозревать не совсем внятный рассказ о праве апелляции осужденного к народу и о семидесяти народных судьях, являющихся высшей судебной инстанцией. Эти и некоторые другие подробности заставляют думать, что повествование Лисаса о Тапробане представляло собою утопию, разрабатывавшую не только политические, но и религиозно-моральные проблемы. В соответствующем смысле может быть понято указание на то, что главным божеством жителей Тапробана был Геракл — одно из наиболее демократических божеств эпохи позднего эллинизма, пользовавшийся огромной популярностью в среде рабов и угнетенных слоев населения вообще, судя по многочисленным votivным надписям. Соперничать с ним в этом отношении мог бы только Сильван или Дионис, в его наиболее демократической ипостаси — Либер Патер, в облике которого и представляет источник Плиния тапробанского царя. Герман (RE, VIII, 2, стб. 2269) полагает, что реальной почвой для подобных сопоставлений явились элементы буддизма в религии древних сингалезов. Так или иначе, в рассказе, который по изложенным выше основаниям, возможно, следует связывать с именем Лисаса, раба Анния Плоама, явно выданы — даже в интерпретации Плиния — морально-религиозные черты, нашедшие свое выражение также и в первоначальном христианстве.

RES GESTAE DIVI Saporis

В 1936 г. Э. Шмидт при расчистке в Накш и Рустеме близ Персеполя нижних горизонтов архитектурного сооружения ахеменидской эпохи, известного под названием Каабы Зороастра, обнаружил на его стенах пехлевийский текст (в двух версиях — аршакидской и сасанидской) большой надписи царя Шапура I. Дальнейшая археологическая расчистка привела в 1939 г. к открытию также и греческой версии текста этой надписи. В 1940 г. надпись была опубликована М. Шпренглингом¹¹. Издание это, сопровождающееся обширным филологическим комментарием, содержало в себе обе пехлевийские версии, а также греческий текст, однако в латинской транслитерации. Эта публикация, позволявшая ознакомиться с содержанием надписи, состоящей (в греческой версии) из 70 строк, и оценить ее историческое значение, вызвала вскоре же многочисленные отклики в научной литературе, из которых в первую очередь должна быть названа большая статья Ростовцева «Res gestae divi Saporis and Dura» («Vegyptus»), VIII (1943), № 1, стр. 17 сл.).

Ростовцев рассматривал надпись преимущественно с точки зрения ее значения для хронологии военных событий на Востоке в 50-е и 60-е гг. III в., а также для исторической географии Сирии и Месопотамии. Он предложил обширный комментарий географических наименований, фигурирующих в надписи. Однако пользование латинской транслитерацией столь большой греческой надписи представляло значительные неудобства, и так как обещанное Шпренглингом окончательное издание текста все не появлялось (насколько нам известно, оно не появилось до сих пор, по поводу чего не раз уже в литературе высказывалось удивление, см. L. Robert, REG, LXII (1949). Bull. épigr., стр. 149; он же, там же, LXVII (1954), стр. 178), Д. Пульезе Карателли счел нужным опубликовать обратную транслитерацию (т. е. с латинского алфавита на греческий: «La Parola del Passato», 1947, V и VI, стр. 209 сл. и 356 сл.), в сопровождении комментария, в значительной степени суммирующего сделанную до него работу

¹¹ M. Sprengling, From Kartir to Shabpuhr; он же, Shabpuhr I The Great on the Kaaba of Zoroaster, AJSL, LVII (1940), стр. 330 сл. и 341 сл.

над изучением надписи. Этим-то текстом, который, однако, ни в какой мере не может считаться окончательным (из-за обилия новых собственных имен он мог при двукратной транслитерации подвергнуться некоторым искажениям), пользуются повсеместно и воспроизводят его все работающие над этой надписью ученые.

Текст надписи Шапора может быть разделен на несколько логически обособленных частей, трактующих: 1) о генеалогии Шапора (стк. 1—2); 2) о границах его царства (стк. 2—6); 3) о его войнах с римлянами; этот раздел также распадается на три самостоятельные части, посвященные военным событиям эпохи Гордиана III (стк. 6—10), Филиппа Араба (стк. 10—19) и Валериана I (стк. 19—36); 4) заключительная часть, занимающая около половины текста, где речь идет о религиозных установлениях (учреждениях алтарей или храмов огня), торжественных и поминальных жертвоприношениях в честь членов царского дома в связи с одержанными Шапором победами. Значение разделов надписи Шапора, сообщающих о войнах с римлянами, не может быть переоценено, в особенности ввиду недостаточности и фрагментарности источников для истории Рима и Ирана середины III в. н. э., состоящих преимущественно из позднейших конспективных пересказов более полных, но утраченных хроник. К одной из таких современных иранских хроник восходит, может быть, и соответствующая часть надписи Шапора, поскольку текст ее в общих чертах довольно близок к тому, что сообщает иранский средневековый историк Табари и что мы находим у позднейших византийских авторов Зосима (1, 19), Синкелла (683) и Зонара (XII, 19).

Надпись Шапора имеет существенное значение для хронологии римско-парфянских войн середины III в. и для некоторых других событий, происшедших в это время на Востоке, в частности, для установления времени захвата Шапором Армении (см. упоминание в стк. 41 об учреждении храма огня в честь сына Шапора — великогодаря Армении), а также времени подчинения им Кушанского царства (вскоре по восшествии Шапора на престол, если верно чтение, предложенное в стк. 4: *καὶ Κοσσανοῦ τῆς Ἰνδίας*, в связи с чем должны быть поставлены результаты раскопок Гиршмава в Бергаме («Mémoires de l'Institut français d'Archéologie Orientale du Caire», LXXXIX (1946), стр. 99 сл.), разрушенном при Васудаве I.

Рассмотрение хронологических, топонимических и некоторых других вопросов, связанных с толкованием надписи Шапора, посвящено большое исследование Э. Гонигмана и А. Марика¹², также воспроизводящее греческую версию текста надписи в транскрипции Пульезе Карателли. Первая часть этой книги посвящена в значительной части рассмотрению вопроса о влиянии на внутреннюю и внешнюю политику Шапора манихейства, приверженцем которого он обычно считается и что опровергается, однако, в какой-то степени данной надписью, ибо в первой же ее строке он называет себя безоговорочно маздеистом и «богом из рода богов».

Много внимания надписи Шапора (частично воспроизводя ее греческую версию) уделяет также В. Эвслин¹³. Этот исследователь стремится доказать «преувеличение» Шапором своих побед над римлянами и в этой связи сопоставляет — далеко не без основания — его надпись с соответствующими ахеменидскими текстами. Однако в смысле близости к исторической истине текст надписи Шапора точнее современных ей римских данных (в частности, SHA). Поражает также хорошая осведомленность штаба Шапора в отношении воинских соединений (легионов и вспомогательных частей) армии Валериана, поименованных в надписи в стк. 20—23 по местностям, в которых они стационарировали до войны. Аутентичность надписи Шапора и ее значение для подтверждения ряда спорных фактов римско-парфянской истории середины III в. отмечает также и Ж. Гей (REA, LVIII (1955), № 1—2, стр. 112 сл.) в статье критического характера, посвященной преимущественно разбору исследования Гонигмана и Марика.

¹² E. Honigmann et A. Maricq, Recherches sur les «Res gestae divi Saporis», «Mémoires de l'Académie royale de Belgique. Cl. des lettres», XLVII (1953), 4.

¹³ W. Eisslin, Zu den Kriegen des sassaniden Schapur I, 1949 («Sitzungsberichte d. Bayerischen Akademie v. Wissenschaften, Phil.-histor. Kl.», 1947, 5).

Автор предпринимает попытку перевода на французский язык значительных и наиболее существенных в историческом отношении отрывков надписи.

Надпись Шапора ценна еще и тем, что она дает широкую политико-географическую картину стран Передней и Средней Азии, а также Кавказа середины III в. — времени, весьма темного и в историко-географическом отношении. Следует особенно отметить значение надписи Шапора для исторической географии Кавказа. Упомянутая Кавказ в числе своих владений (стк. 2—3), Шапор называет следующие области: Ἀρμενίαν, Ἰβερίαν, Μαχελοῖαν, Ἀλβανίαν. [...ἕως ἔμπροσθεν] Καπ ὄρους καὶ Ἀλανῶν [τοῦν]. Неожиданно как обозначение западного Кавказа выступает здесь Махелония — наименование, засвидетельствованное в качестве племенного для II в. н. э. у Арриана, в PPE, 15 и у Луккиана (Tox., 44), встречающееся также и у более поздних авторов и происхождением своим, вероятно, обязанное более древнему племенному имени макронов (ср. ВДИ, 1948, № 3, стр. 270). Гора Кап, вероятно, соответствует горе Каспию — наименованию, прилагавшемуся к части, а может быть, когда-либо и ко всему Кавказу (ср. Strabo, II, 1, 39; ВДИ, 1947, № 4, стр. 185). Алаанские ворота, вероятней всего, идентичны Каспийским воротам, или Дербентскому проходу.

Однако более детальное изучение географических и этнических имен, встречающихся в надписи Шапора, будет возможно лишь после выхода в свет ее публикации, выполненной с необходимой точностью и достоверностью.

Сохранилось пять высеченных на скалах рельефов с изображением побед Шапора I над римлянами. Один из них находится в непосредственной близости от надписи Шапора в Накш и Рустеме, ниже ахеменидских гробниц; другие в Бишапоре и Дарабгирде. Они различаются между собой тем, что на одних представлены два, на других три римлянина перед Шапором, причем в последнем случае один изображен павшим под коном Шапора, другой коленапреклоненным перед ним, а третьего Шапор ведет за руку. Пересматривающий различные толкования изображений на этих рельефах Макдермонт¹⁴ приходит к заключению, что рельефы иллюстрируют рассказ о войнах Шапора с Римом и о судьбах Гордиана, Филиппа и Валериана, изложенный в рассмотренной нами надписи Шапора I на Каабе Зороастра.

Л. Е.

ИЗ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ (В ГОС. БИБЛИОТЕКУ ИМ. ЛЕНИНА И В ФБОН АН СССР) ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

КНИГИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- Histoire universelle. I. Des Origines à l'Islam. Publ. sous la direction de R. Grousset et E. G. L é o n a r d, Paris, 1956, 730 стр., ФБОН.
- A. B r a n c a n i e G. O l i v a t i, Il mondo antico. I. Oriente e Grecia, Roma, 1956, VII, 394 стр., с илл.
- K. H e y e r, Von der Atlantis bis Rom, 2-e Aufl, Ravensburg, 1955, 306 стр.
- P. S e t h e, Epochen der Weltgeschichte. Von Hammurabi bis Kolumbus, Frankfurt a/M., 1955, 336 стр., 16 стр. илл.
- G. L. S e i d l e r, Mysl polityczna starożytności, Wyd. 2-e popr. i uzupełn, Kraków, 1956, 309 стр., с илл.
- M. A. L e v i, La lotta politica nel mondo antico, Verona, 1955, 250 стр., ФБОН.
- R. H. B a i n t o n, L. B u l l. M. B u r r o w s, The Idea of History in the Ancient Near East, New Haven, 1955, IX, 376 стр.

¹⁴ В. С. M a c d e r m o n t, Roman Emperors in the Sassanian Reliefs, JRS, XLIV (1954), стр. 76 сл.